

М. А. Дьяконов

**Журнал Министерства Народного
Просвещения**

Часть 287

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. А. Дьяконов**
Журнал Министерства Народного Просвещения: Часть 287 / М. А. Дьяконов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-5401-0

Журнал Министерства Народного Просвещения. Шестое десятилетие. Часть 287. 1893. Июнь. К истории крестьянского прикрепления.

ISBN 978-5-4241-5401-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

на какой, повидимому, шаткой почвѣ стоитъ до сихъ поръ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторической науки, достаточно отмѣтить послѣднюю, по времени, отзывы изслѣдователей о трудахъ своихъ предшественниковъ въ данной области.

Въ 1884 г. профессоръ Энгельманъ издалъ свой трудъ по исторіи крѣпостнаго права въ Россіи „Die Leibeigenschaft in Russland“. Появившееся въ слѣдующемъ году изслѣдованіе проф. Ключевскаго „о происхожденіи крѣпостнаго права въ Россіи“ начиналось замѣчаніемъ, что „книга г. Энгельмана не снимаетъ этого вопроса съ очереди, не даетъ на него удачнаго отвѣта“. Причину этой неудачи проф. Ключевскій видитъ въ томъ, что разбираемый имъ авторъ не уяснилъ себѣ природы того института, исторію котораго задумалъ изложить. Въ частности проф. Ключевскій не согласился и съ мнѣніемъ г. Энгельмана объ указѣ 1597 г. Послѣдній высказалъ мысль, что особаго указа объ отмѣнѣ Юрьева дня никогда не издавало московское правительство; крестьяне были прикрѣплены къ землѣ именно указомъ 1597 г., но не прямо, а косвенно и случайно (beiläufig und indirect). По этому поводу проф. Ключевскій замѣтилъ: „и такъ, говоря проще, московское правительство обмануло цѣлый классъ своего народа, тихонько подкараулило и украло его свободу... Толкованіе г. Энгельмана похоже на ученый tour de force, къ которому онъ былъ вынужденъ не поддающимся рѣшенію вопросомъ“¹⁾. Не согласился съ проф. Энгельманомъ и другой критикъ-специалистъ. Предложенное авторомъ рѣшеніе показалось ему несогласнымъ ни съ указомъ 1607 г., ни съ самымъ текстомъ указа 1597 г. „Изъ указа 1597 г. слѣдуетъ заключить, что 5-лѣтняя давность, о которой онъ говоритъ, не есть новость: бѣглыхъ крестьянъ можно было искать въ теченіе 5 лѣтъ и до этого указа. Въ указѣ-же 1607 г., подлинность котораго авторъ не отвергаетъ, прямо сказано, что переходъ отмѣненъ царемъ Федоромъ. Надо думать, что указъ, отмѣнившій Юрьевъ день, былъ изданъ“²⁾.

Собственныя мнѣнія проф. Ключевскаго о возникновеніи крѣпостнаго права и его совершенно оригинальная конструкція этого института вызвали не менѣе строгую критику со стороны проф. Сергѣевича: резюмируя свои критическія замѣчанія, онъ пришелъ къ очень неутѣшительному выводу, будто „вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго

¹⁾ *Русская Мысль*, 1885, авг., стр. 1—5; окт., стр. 4.

²⁾ *Юридическая библіографія*, издаваемая юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета, № 4, стр. 191—192.

права, не смотря на сильную поддержку, оказанную проф. Ключевскимъ своему отдаленному предшественнику по кафедрѣ, остается въ томъ же положеніи, въ какомъ находился и до появленія въ свѣтъ статьи Погодина¹⁾). Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что критика и собственныя настроенія проф. Сергѣевича едва-ли убѣдили его ученыхъ противниковъ въ вопросѣ о крестьянскомъ прикрѣпленіи.

Предоставимъ историографіи освѣтить и разяснить ближайшіе мотивы указаннаго скептицизма изслѣдователей, переходящаго, быть можетъ, иногда необходимые предѣлы научной осторожности. Здѣсь достаточно указать на одно немаловажное обстоятельство. За послѣднія 35 лѣтъ русская историческая наука не обогатилась почти совсѣмъ новыми матеріалами по исторіи прикрѣпленія крестьянъ, такъ что современный изслѣдователь, останавливаясь передъ этимъ спорнымъ вопросомъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи тѣ же изданные источники, какими располагалъ уже Погодинъ. Всѣ появившіяся за указанное время переработки данной темы построены на одномъ и томъ же старомъ матеріалѣ. Значитъ, свойство этого матеріала, его неполнота, неясность и отрывочность, и помимо субъективизма изслѣдователей, обуславливаютъ главнымъ образомъ разнообразіе научныхъ выводовъ.

Исключеніе составляетъ изслѣдованіе проф. Ключевского, воспользовавшагося въ своей работѣ обширнымъ архивнымъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, этотъ малодоступный матеріалъ приведенъ авторомъ въ очень краткихъ отрывкахъ, извлеченіяхъ и пересказахъ, а иногда даже только отмѣченъ малоговорящими ссылками на архивные документы, и такимъ образомъ оказывается по-прежнему почти недоступнымъ новой переработкѣ и остается внѣ научнаго оборота. Но эта увѣчивавшаяся любопытными результатами попытка дополнить архивнымъ матеріаломъ печатные источники даетъ основаніе надѣяться, что наличный матеріалъ, столь разнообразно комментируемый главнымъ образомъ благодаря своей неполнотѣ, можетъ быть еще пополненъ, и что загадочный вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ можетъ получить удовлетворительное разясненіе съ привлеченіемъ значительной части архивнаго матеріала. При такихъ условіяхъ представляется весьма желательнымъ, чтобы всякаго рода новыя данныя, относящіяся къ

¹⁾ Русскія юридическія древности, т. I, стр. 262.

разсматриваемому вопросу, пускались въ обращеніе по возможности скорѣе и въ возможно болѣе полномъ видѣ.

Руководствуясь указанными соображеніями, авторъ настоящаго очерка рѣшился обнародовать нѣсколько документовъ, извлеченныхъ изъ собранія грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи, которое сохраняется въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на судъ ученой критики опытъ объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ издаваемыхъ источниковъ. Если заключающіяся въ нихъ данныя и не подвинутъ впередъ рѣшеніе главнѣйшихъ спорныхъ положеній, то, быть можетъ, уяснятъ нѣкоторыя подробности дѣла, которыя до сихъ поръ не получили согласнаго истолкованія.

Всѣ имѣющіеся въ виду документы относятся большею частью ко второй половинѣ XVI вѣка и по содержанію своему представляютъ, можно думать, данныя, свидѣтельствующія о томъ, какъ замирало право перехода крестьянъ и посадскихъ людей не только ранѣе 1592 г., но и ранѣе 1584 г. — перваго года царствованія Федора Ивановича.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію этихъ наиболѣе любопытныхъ данныхъ, будетъ не лишнимъ отмѣтить нѣсколько небезъинтересныхъ указаній на характеръ ограниченія свободы крестьянскихъ переходовъ по московскому закону, формулированному въ судебникахъ.

I. Въ ученой литературѣ неоднократно было обращено вниманіе на односторонность постановленій судебныхниковъ о крестьянскомъ переходѣ сравнительно съ такими же постановленіями Псковской судной грамоты. По псковскому закону крестьянинъ и землевладѣлецъ относительно срока отказа являются вполне равноправными. Постановленія же судебныхниковъ направлены исключительно противъ крестьянъ, и послѣдніе вовсе не равноправны съ землевладѣльцами: срокъ отказа связываетъ крестьянъ и по логической конструкціи закона отнюдь не обязателенъ для землевладѣльцевъ. Но возникаетъ вопросъ: таково ли было дѣйствительное намѣреніе законодателя, или дѣло объясняется несовершенствомъ редакціи? Проф. Энгельманъ, впервые обратившій вниманіе на эту особенность постановленій судебныхниковъ, думаетъ, что „по существу дѣла землевладѣлецъ былъ связанъ этимъ закономъ въ такой же мѣрѣ, какъ и крестьянинъ, и не могъ отказаться крестьянину раньше срока; но это для него было безразлично; онъ, очевидно, имѣлъ другія средства для принужденія крестьянина (выполнять обязательства), тогда какъ для послѣдняго отказъ былъ

единственнымъ доступнымъ средствомъ самообороны противъ притѣсненій помѣщика. По формѣ законъ исключительно направленъ противъ крестьянина, и это, по мнѣнію автора вполне характеризуетъ московскіе порядки, гдѣ руководящимъ принципомъ является отнюдь не право, а соображенія временной пользы“¹⁾). Соглашаясь вполне съ только что изложеннымъ толкованіемъ, проф. Сергѣевичъ однако сомнѣвается, чтобы московское правительство имѣло въ виду предоставить землевладѣльцу право отказывать крестьянамъ внѣ срока. „Правительство принимало мѣры противъ вопіющихъ неудобствъ, а такимъ неудобствомъ, съ точки зрѣнія правящаго класса, былъ безсрочный выходъ крестьянъ... Крестьяне имѣли гораздо менѣе побужденій дорожить землевладѣльцемъ, чѣмъ землевладѣльцы — дорожить крестьянами. Въ памятникахъ есть не мало указаній на то, что землевладѣльцы не выпускаютъ крестьянъ даже въ сроки; но чтобы они ихъ разгоняли въ сроки и безъ сроковъ, этого не видно“²⁾). Такимъ образомъ, согласно послѣднему мнѣнію, не было практической необходимости въ огражденіи произвола землевладѣльцевъ, а потому законъ и обошелъ молчаніемъ эту сторону вопроса.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что на практикѣ землевладѣльцамъ гораздо чаще приходилось заботиться объ удержаніи живущихъ на ихъ земляхъ крестьянъ, о призывѣ новыхъ поселенцевъ, и сравнительно рѣдко отказывать отъ аренды наличнымъ крестьянамъ. Но несомнѣнно и то, что случаи послѣдняго рода встрѣчались въ хозяйственномъ бытѣ того времени. Неисправная уплата податей или уклоненіе отъ отбыванія повинностей государственныхъ или хозяйскихъ; боязнь судебной волокиты изъ за какихъ-либо преступленій и проступковъ крестьянина; соображенія выгоды или прямыя злоупотребленія при отчужденіи вотчинъ и т. п.—таковы условія, при наличности которыхъ и землевладѣльцы могли воспользоваться своимъ правомъ отказа. Такіе случаи и извѣстны, хотя по существу дѣла въ документахъ могли сохраниться указанія только на экстренные случаи этого рода, когда дѣло восходило до суда или было обжаловано съ той или другой стороны. Таково, на примѣръ, дѣло Рязанскаго Богословскаго монастыря съ крестьяниномъ Ив. Батуринымъ, который, отсидѣвъ льготу, не платилъ пошлинъ, не давался подѣ

¹⁾ *Engelmann I.*, Die Leibeigenschaft in Russland, 20—21.

²⁾ *Сергѣевичъ В.*, Вольные и невольные слуги московскихъ государей (*Наблюдатель*, 1887, № 1, 74); Русскія юридическія древности, т. I, 238.

судъ и жилъ на монастырской землѣ сильно, такъ что потребовалось вмѣшательство правительства, чтобы выслать этого крестьянина изъ монастырскаго села ¹⁾).

Какъ же понимали въ этихъ случаяхъ свое право отказа землевладѣльцы? Считали-ли они для себя обязательнымъ постановленіе судебныхниковъ о срокахъ? Повидимому, нѣтъ. Изъ такому предположенію приводитъ, по крайней мѣрѣ, одна записъ 1532 г. о передачѣ запроданной вотчины. Изъ этой записи видно, что нѣкто Шарапъ Семеновъ сынъ съ своими дѣтьми продалъ Троицкому Махрищскому монастырю свою вотчину, село Полосино и деревню Глинково въ Переяславскомъ уѣздѣ, съ правомъ прожить въ селѣ до Рождества Христова 7041 года. Въ числѣ условій записи стоитъ, между прочимъ, слѣдующее: „А хрестіаномъ полосинскимъ и глинковскимъ сего лѣта на меня на Шарапа и на мои дѣти наша пахати десятины, какъ на меня преже сего пахали; а мнѣ Шарапу и моимъ дѣтемъ изъ селца изъ Полосина и изъ деревни Глинкова хрестянина никакова безъ монастырскаго вѣдома *не выслати силно* до сроку до Рождества Христова. А который хрестянинъ выйдетъ вонъ по своей волѣ, и мнѣ Шарапу и моимъ дѣтемъ на томъ хрестянинѣ подворнаго и всякихъ пошлинъ своихъ не имати, то уже имати монастырю“ ²⁾. Записъ выдана зимой или раннею весной 1532 г., такъ какъ въ ней сказано, что продавецъ переѣдетъ съ Москвы въ деревню „на Юрьевъ день вешней лѣта 7040“. Итакъ въ теченіе всего срока владѣнія съ апрѣля по конецъ декабря 1532 г. продавецъ обязуется не высылать крестьянъ сильно безъ вѣдома монастырскихъ властей. Отсюда заключаемъ, что съ вѣдома монастыря, то-есть, настоящаго землевладѣльца, выслать крестьянина считалось позволительнымъ, не стѣсняясь никакимъ установленнымъ срокомъ. Монастырскія власти поставили это ограниченіе въ огражденіе своихъ интересовъ. Но необходимость такого условія указываетъ косвенно и на существующую практику и, значить, на возможность разогнать крестьянъ внѣ срока и такимъ образомъ обезцѣнить имѣніе. Это подтверждается и выраженіемъ „выслать *силно*“, что означаетъ насильственный отказъ крестьянину со стороны землевладѣльца. Стоящее рядомъ выраженіе „выйдетъ вонъ по своей волѣ“ означаетъ отказъ по инициативѣ крестьянина. Срокъ

¹⁾ А. Н. I № 134 (1533); ср. А. Ю. № 64 (1661).

²⁾ Арх. М. Ю. Переясл. у. № $\frac{90}{8814}$. Эта записъ находится и въ правой грамотѣ 1684 г., отпечатанной въ А. Ю. Б. I, № 52 IV, стр. 178—179.

этого добровольнаго выхода хотя также не указанъ, но въ этомъ и не было нужды при существованіи общаго закона о срокъ крестьянскаго выхода.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что согласно записи съ крестьянъ взимаются при выходѣ въ пользу землевладѣльца подворное и „всякія пошліны“. Судебникъ 1497 г. установилъ только взиманіе пожилаго съ двора въ опредѣленномъ размѣрѣ. Практика, очевидно, присоединила къ этому сбору еще всякія пошліны для затрудненія выхода. Несомнѣнно, для устраненія этихъ произвольныхъ поборовъ судебникъ царскій сверхъ пожилаго, размѣръ котораго увеличенъ, узаконилъ еще новую пошліну—повозъ и запретилъ взиманіе какихъ либо иныхъ пошлинъ: „а oprичъ того на немъ пошлинъ нѣтъ“ (ст. 88).

II. Постановленія судебниковъ о крестьянскомъ отказѣ возбуждаютъ сомнѣнія еще съ другой стороны. Опредѣливъ сроки и условія для выхода или вывода крестьянъ, судебники не установили никакой санкціи за нарушеніе этого правила. Спрашивается, какія же юридическія послѣдствія возникали въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ покидалъ участокъ не въ срокъ и безъ отказа. На этотъ вопросъ, естественно, давно уже обращено вниманіе изслѣдователей. Еще К. Аксаковъ высказалъ мнѣніе, что крестьянинъ, вышедшій не въ срокъ, безъ отказа и безпошлинно, считался бѣглымъ. „До укрѣпленія, *заплата пеню*, онъ удерживалъ свою личную независимость и не былъ обязанъ выполнять условно обѣщаннаго; послѣ укрѣпленія онъ не могъ отступить отъ условій, а обязанъ былъ выполнить весь договоръ и жить столько, сколько въ записи (порядной) написано. Въ этомъ состояло запрещеніе выхода“¹⁾.

Подробнѣе и опредѣленнѣе останавливается на этомъ вопросѣ Костомаровъ въ своей полемикѣ съ Погодинымъ. „Крестьянинъ, говоритъ онъ, имѣя право перехода отъ владѣльца земли, на которой жилъ, не былъ его принадлежностью, какъ холопъ, и нѣтъ указанія, чтобъ въ случаѣ самовольнаго удаленія съ земли владѣльца онъ возвращался снова на прежнее мѣсто: предположить это, значило бы принять, что крестьянинъ за побѣгъ дѣлался принадлежностью помѣщика, то-есть его холопомъ. Но этого не видимъ мы даже и впослѣдствіи, когда крестьяне были уже прикрѣплены къ землѣ: они возвращались и поступали снова въ крестьяне, но не въ холопы. Если же предположить, что

¹⁾ Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова, т. I, стр. 509.

такъ было и въ XVI вѣкѣ, во время существованія права перехода, тогда уничтожается самое это право: надобно будетъ принять, что крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Если крестьянинъ, заключивши договоръ съ помѣщикомъ въ ноябрѣ, бѣжалъ отъ него въ іюлѣ будущаго года, а пойманъ въ ноябрѣ: какъ же можно было его возвратити на прежнее жительство, когда онъ и безъ того имѣлъ право перемѣнить его въ это время? Очевидно, что крестьянинъ бѣжавшій отъ помѣщика до срока, въ который могъ по закону уйдти отъ него, подвергался взысканію, какъ свободный чловѣкъ, за нарушение договора и присуждался къ вознагражденію убытковъ, нанесенныхъ хозяину, и слѣдовательно не могъ быть, какъ рабъ, возвращаемъ безусловно на прежнее жительство“ ¹⁾).

Совершенно ту же точку зрѣнія на вопросъ защищаетъ въ послѣднее время профессоръ Сергѣевичъ. По его мнѣнію, „въ прежнее время возвращеніе крестьянъ на покинутые участки имѣло мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ и на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ; для того, чтобы возвести эти частныя распоряженія въ общее правило, нужно было особое узаконеніе. А такъ какъ въ судебныхникахъ его нѣтъ, то надо полагать, что и московское правительство, какъ и псковское, хотя и установило общій срокъ отказа, но не ввело еще исковъ о водвореніи безсрочно ушедшихъ на оставленные ими участки“. „Уголовной кары за безсрочный выходъ и выводъ также не было установлено“. Такіе иски, думаетъ проф. Сергѣевичъ, опущены составителями судебныхниковъ не по недосмотру, а по совершенной ихъ непрактичности, такъ какъ до постановленія приговора о возвращеніи несвоевременно вышедшихъ крестьянъ во многихъ случаяхъ успѣли бы наступити законные сроки переходовъ. Въ такихъ случаяхъ возвращеніе крестьянъ по приговору суда противорѣчило бы ихъ праву перехода въ Юрьевъ день. Поэтому „иски объ убыткахъ составляли единственное и, нельзя отрицать, весьма сильное средство для удержанія крестьянъ отъ незаконнаго выхода“ ²⁾).

Это столь ясно и стройно сформулированное толкованіе постановленій судебныхниковъ не устраняетъ, однако, двоякаго рода недоразумѣній. Вопервыхъ, судебники одинаково проходятъ молчаніемъ какъ иски о возвращеніи незаконно вышедшихъ крестьянъ, такъ и иски объ убыткахъ, причиненныхъ такимъ выходомъ. Можно еще допу-

¹⁾ *Архивъ историч. и практич. съдникій*, 1859 г., кн. 3, критика, стр. 70—71.

²⁾ *Русскія юридическія древности*, т. I, 240—242.

стять, что объ искахъ послѣдняго рода не было надобности упоминать особо,—они разумѣлись сами собой. Но странно, что за весь продолжительный періодъ господства такой практики, до насъ не дошло ни одного указанія, подтверждающаго ея существованіе: ни одного иска, ни одной правой грамоты о взысканіи убытковъ съ не-своевременно вышедшихъ крестьянъ ¹⁾. И, впрочемъ, на ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что намъ извѣстно нѣсколько случаевъ водворенія на прежнихъ мѣстахъ жительства незаконно вышедшихъ или вывезенныхъ крестьянъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ указанъ и проф. Сергѣевичемъ ²⁾. Можно къ нему присоединить еще два другихъ, если не считать подобнаго же случая, относящагося ко второй половинѣ XV вѣка ³⁾. Въ грамотѣ Бѣлозерскому намѣстнику 1559 года читаемъ: „которые крестьяне въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ выходили изъ нашихъ черныхъ волостей въ ихъ монастырскія (Кириллова монастыря) села и деревни и за князей и за дѣтей боярскихъ не въ срокъ безъ отказа, и вы де по нашему наказу тѣхъ крестьянъ изъ ихъ селъ и деревень и изъ-за князей и изъ-за дѣтей боярскихъ выводите назадъ въ наши въ черныя волости, на тѣ же мѣста, гдѣ которой жилъ напередъ сего“ ⁴⁾. Въ томъ же смыслѣ надо, кажется, понимать нѣкоторыя выраженія выписи 1580 г. на Троицкія вотчины въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, на устьѣ р. Шексны. Здѣсь сказано: „д—ня Шикмана пуста, а въ ней два двора пусты, а вошли были въ нее крестьяне изъ государевы изъ Ворбозовскія волости, Тишка Петровъ да Степанко Ивановъ, и по государеву наказу Тишку вывезли въ тое-жь волость Безсонко Щокотовъ, а Степанко Ивановъ вышелъ въ езовую волость въ Вогнемскую, а впередъ вся деревня стала пуста... Д—ня Савкино пуста, а въ ней два двора пусты, а вошли были два крестья-

¹⁾ Отрывокъ суднаго дѣла, возникшаго изъ-за нарушенія крестьяниномъ Вотолою порядной, никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса не содержитъ: не достаетъ конца дѣла, именно рѣшенія. Р. И. Б., XII, ст. 129, № V (1558). Другой любопытный документъ, къ сожалѣнію, также съ дефектами,—это духовная кн. Ивана Щепина, въ которой читаемъ: „Да вывезъ есмь съ отказомъ... и за (изъ-за) Онтона крестьян... Ипка да Шестока да Лазаря, и Онтонъ тѣхъ крестьянъ поималъ на поли, да ихъ взялъ... та рублехъ, и язъ на Онтонѣ того искалъ, и на томъ у насъ съ нимъ миръ былъ, что было ему на крестьянѣхъ денегъ по кабаламъ не взять“. Но и это мѣсто служитъ лишь доказательствомъ права отказывать крестьянъ должниковъ. Сборн. Муханова, № 348 (1588?).

²⁾ Русскія юридическія древности, т. I, 498 прим.

³⁾ А. Э. I. № 83 (1466—1478).

⁴⁾ Р. И. Б. II, № 36.

янина, Гридка Ивановъ да Ѳедко Сидоровъ, изъ государевы волости изъ Ворбозовскія, и ихъ по государеву наказу вывели назадъ за государя Безсонъ Щокотовъ“¹⁾).

Въ случаѣ, указанномъ въ книгѣ проф. Сергѣевича, заинтересованные помѣщики обратились съ жалобой на незаконность отказа (среди лѣта 1555 года), и въ государевой грамотѣ предписано обязать свезенныхъ крестьянъ жить за прежними помѣщиками „по нашему уложению, по судебнику, до сроку“. Любопытно, что грамота помѣчена 17-го декабря²⁾, то-есть, распоряженіе о водвореніи крестьянъ дано по истеченіи срока отказа (конецъ ноября) и могло быть исполнено не иначе, какъ удержаніемъ крестьянъ на прежнихъ мѣстахъ жительства до слѣдующаго срока въ ноябрѣ 1556 г. Въ вышеприведенныхъ случаяхъ крестьяне водворяются на покинутые незаконно участки по распоряженію правительства на основаніи наказовъ, выданныхъ намѣстникамъ и приказнымъ людямъ. Нельзя съ увѣренностью сказать, чѣмъ вызваны эти указы: жалобами ли потерпѣвшихъ, въ данномъ случаѣ волостныхъ крестьянъ, или представленіями намѣстниковъ и приказныхъ людей, или же, наконецъ, непосредственной правительственной инициативой при назначеніи на мѣста должностныхъ лицъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣли бы дополненіе постановленій судебниковъ совершенно опредѣленною санкціею. Недостатокъ матеріала не позволяетъ однако настаивать на такомъ толкованіи. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать спору одно значеніе вышеуказанныхъ фактовъ: они идутъ въ разрѣзъ съ предложенной догадкой, будто единственнымъ средствомъ защиты противъ несвоевременнаго выхода и отказа крестьянъ были иски объ убыткахъ.

Этой догадкѣ противорѣчитъ, кажется намъ, и другое свидѣтельство намятниковъ, восполняющее до нѣкоторой степени недостающую въ судебникахъ санкцію правилъ о крестьянскомъ переходѣ. Въ жалованной грамотѣ перемышльскаго князя Александра Ивановича Успенскому Жиздринскому монастырю 20-го іюля 1547 г., между прочимъ, сказано: „также есмь пожаловалъ строителя съ братіею: которые крестьяне живутъ въ тѣхъ ихъ въ монастырскихъ въ деревняхъ и въ слободахъ, а похотятъ которые прочь поитить въ мои въ подклѣтныя села и за моего сына боярскаго, и тѣмъ крестьянамъ отказыва-

¹⁾ Архивъ министерства юстиціи, Бѣлозерскій у. № $\frac{156}{857}$.

²⁾ Д. къ А. Н. I, № 51 XVIII.

тиса одинъ срокъ въ году, Юрьевъ день осеней. А кто у нихъ откажетъ силно не по тому ихъ сроку, и тотъ отказъ не въ отказъ“¹⁾). Совершенно такую-же санкцію заключаетъ и жалованная грамота вологодскаго князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю 1462—1471 гг.: „а кто откажетъ до Юрьева дни или послѣ Юрьева дни, ино тотъ отказъ не въ отказъ“²⁾). Отсюда заключаемъ, что эта санкція вовсе не исключительная и не придумана перемышльскимъ княземъ. Къ тому же никакого владѣтельнаго перемышльскаго князя, пользующагося правомъ самостоятельнаго законодательства, въ XVI вѣкѣ и не существовало. Перемышльскій удѣлъ, выдѣлившійся изъ серпуховскаго удѣльнаго княжества, потерялъ самостоятельность вмѣстѣ съ послѣднимъ при Иванѣ III. Поэтому жалованная грамота 1547 г., выданная перемышльскимъ княземъ, не создаетъ особаго мѣстнаго закона, а повторяетъ лишь общій законъ судебника, придавая ему общезвѣстное и общепринятое значеніе, не выраженное въ самомъ судебникѣ лишь вслѣдствіе неудачной редакціи закона. Судебникъ царскій, какъ извѣстно, удержалъ старую редакцію почти всѣхъ статей судебника перваго, дополнивъ лишь его новыми правилами. Законъ о крестьянскомъ отказѣ, хотя и дополненный, сохраненъ въ прежней редакціи, а потому, примѣнительно и къ нему, грамота перемышльскаго князя можетъ служить любопытнымъ современнымъ комментариемъ.

Что-же обозначаетъ эта санкція: „тотъ отказъ не въ отказъ“? По ея буквальному смыслу выходъ или вывозъ крестьянъ не въ установленный срокъ оказывается недѣйствительнымъ. Но признанная закономъ недѣйствительность открывала путь къ восстановленію нарушенныхъ между сторонами отношеній помимо суда самоуправными дѣйствіями. Стало быть заинтересованные землевладѣльцы могли силою предупредить нарушение закона, а несвоевременно вышедшіе или вывезенные крестьяне могли быть возвращаемы на прежніе участки безъ всякаго судебного вмѣшательства, если самый фактъ незаконнаго отказа не возбуждалъ сомнѣній. Такое толкованіе не представляетъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ, согласно воззрѣніямъ эпохи, внѣсудное восстановление правъ или внѣсудное вознагражденіе потерпѣвшихъ, въ видѣ юридическаго переживанія болѣе древнихъ порядковъ, считалось наиболѣе сильнымъ средствомъ огражденія правъ

¹⁾ Арх. мин. юст., Перемышльскій у. № $\frac{1}{9550}$.

²⁾ Д. къ А. И. I, № 198 I.